

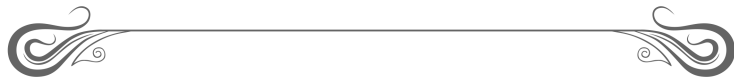
ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фатовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Пуля времени

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ТИФЛИС 1904

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Тифлис 1904 / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-213670-2

Полиция давно подозревала, что где-то на окраине империи существует особое преступное предприятие, помогающее бандитам отмывать меченые деньги и ценные бумаги. «Большая постирочная» — так называли его сыщики. Как только у Департамента полиции появилась ниточка, ведущая в Тифлис, Лыков выехал на Кавказ проводить дознание... На месте выяснилось, что услугами Тифлисского казначейства по отмывке краденых денег пользовались мошенники, бандиты и террористы со всей страны. Расследование столичного гостя пришлось не по нраву главарям «постирочной». Едва Лыков приступил к дознанию, как один за другим начали погибать важные свидетели. Кто-то явно уводил сыщика с верного пути... и вел прямиком к смерти.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213670-2

© Свечин Н., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Автор благодарит Б. В. П-ва,
скрывающегося под ником tert100,
за дружескую помощь
в написании этой книги.*

«БОЛЬШАЯ ПОСТИРОЧНАЯ»

28 апреля 1904 года русский посланник в Берне Жадовский шел из гостиницы, где проживал, на службу в миссию. К нему приблизился странно одетый человек. Не говоря ни слова, он вынул револьвер и выстрелил дипломату в голову. Жадовский упал, а неизвестный остался стоять рядом. И сдался подбежавшему полицейскому без сопротивления.

Неслыханное происшествие всполошило не только тихий, всегда сонный Берн, но и Петербург. Покушение на посланника! Не иначе, террористы из Боевой организации партии эсеров. Уже начали охотиться на царевых дипломатов, негодяи. Министр внутренних дел Плеве срочно командировал в столицу Швейцарии своего лучшего сыщика, коллежского советника Лыкова, велел в кратчайшие сроки раскрыть преступление.

Алексей Николаевич давно не проводил столь легкого дознания. Когда он прибыл в Берн, местная полиция оказала ему полное содействие. Швейцарские власти

чувствовали неловкость. Посланник — особа сакральная, почти священная, поскольку представляет своего монарха. Его полагается оберегать. Но от нападения сумасшедшего никто не застрахован, а тут как раз был такой случай. На Жадовского покушался психический, заявили в полиции. И предъявили русскому коллеге этого террориста.

Лыков допросил его и убедился, что так оно и есть. Арестант назвался турецким подданным, а в прошлом русским офицером по фамилии Ильицкий. Поляк! Эти господа и во сне грезят о независимости. Но Ильицкий оказался обычным душевнобольным. Психиатры называют это ранней деменцией¹. Бывший помещик надеялся на долги, и его имение отобрали в казну. Он судился, проиграл процесс, уехал в Швейцарию и принялся в газетах обличать несправедливости на своей бывшей родине. Заодно сменил подданство. Странно, что окружающие не замечали его невменяемости. А пресса охотно предоставляла поляку возможность обливать Россию грязью. Но болезнь прогрессировала, и отставной поручик решил мстить.

К счастью для дипломата, револьвер у поляка оказался дрянной. Пуля попала в голову, но не пробил даже височной кости. Обливаясь кровью, Жадовский сам дошел до отеля «Бернсхоф» и уже там потерял сознание. Теперь он поправляется, ранение было неопасным.

¹ Ранняя деменция — так до 1908 года называли шизофрению. (Здесь и далее примеч. автора.)

А душевнобольного стрелка ждала не тюрьма, а психиатрическая лечебница.

Лыков быстро разобрался в происшествии, отбил телеграмму Плеве и попросил разрешения вернуться. Получил согласие и через двое суток уже оказался в своем кабинете на Фонтанке, 16. Здесь его помощник губернский секретарь Азвестопуло сообщил важную новость.

Сергей Манолович появился в Департаменте полиции лишь в марте этого года. Лыков присмотрел его себе в Одессе. Коллежскому советнику давно требовался помощник. В службе ведомства лет десять как произошел перекос. Уголовным сыском занимались два-три человека, а прочие силы были брошены на борьбу с политическими противниками. Между тем уголовная преступность в стране нарастала как снежный ком. В Польше, Забайкалье, Одессе и на Кавказе творилось черт-те что. А Ростов-на-Дону! Там сложился новый экономический район, собралось много пришлого элемента — и в итоге власть получила еще одну клоаку. Даже традиционно тихие города средней полосы показывали рост уголовных преступлений — особенно бандитизма и других покушений на личность.

В Одессе Лыков и познакомился с Азвестопуло. Тот служил надзирателем сыскного отделения и помогал командированному дознавать диковинное преступление. Некий Бухало, служащий Бессарабской земской управы, сдал на одесский почтамт денежный пакет. Стоимость отправления он назначил приличную —

30 050 рублей. Адрес получателя — Берлин. Земец получил квитанцию и уехал. А пакет через час взорвался в руках у почтового чиновника и нанес ему тяжелое ранение. В посылке оказался пироксилин. Бухало надеялся, что взрыв произойдет в почтовом вагоне и тогда ему выплатят обозначенную на отправлении сумму. Но горе-бомбист не рассчитал время и теперь сидел на ка-торге.

В ходе дознания Азвестопуло произвел хорошее впечатление на Лыкова, и тот переманил его в столицу. Губернский секретарь разгрузил коллежского советника от рутины, но помогал и в важных делах. Он напоминал Лыкову его самого в молодости, поскольку ничего не боялся. Но были и отличия: Азвестопуло быстро обучался, намного быстрее, чем его нынешний начальник. Еще Сергей был очень артистичен. Он мог сыграть кого угодно: фартового, аристократа, человека из простонародья... Лыков в своих похождениях тоже менял личину, но изображал лишь собственный типаж, иначе беда!

Сейчас старый и молодой сыщики пытались раскрутить крупное дело. Полицейские давно подозревали, что где-то на необъятных просторах империи существует необычное преступное предприятие. Они назвали его «большая постирочная». Банковские громилы присваивали значительные суммы в наличных деньгах или доходных бумагах. Воры обчищали богатые квартиры. Революционеры проводили свои экссы. Во многих случаях добыча оказывалась опасной для ее обладателей.

Номера крупных банкнотов или серий¹ были записаны, и потерпевшие сообщали их в полицию. И при попытке обернуть купон или разменять билет преступники попадались бы. Возникла необходимость «отстирать» меченые средства, заменить их обычными деньгами. И кто-то очень ловко проделывал эту операцию.

Так, в сентябре 1903 года пятеро разбойников напали на почтовый вагон близ станции Ново-Сенаки Поти-Тифлисской железной дороги. Они связали почтальона и сопровождающего чиновника и завладели денежной посылкой. В ней находилось 102 000 рублей, и номера купюр были частично переписаны. Но ни один преступник не попался. Банковские билеты были потом обнаружены в казначействах Астрахани, Баку и Ташкента, причем попали они туда законным образом, через третьи руки, и никак не выводили на след бандитов. Похожие истории случались не раз. Грабители подломили кассу Товарищества Рябовской мануфактуры и украли 60 000 в доходных бумагах. Кассир предъявил полную опись бумаг — а потом их отыскиали. Дирекция Мурманской железной дороги оплатила ими квартирный налог для своих служащих! Сама она получила меченые серии от подрядчиков, а те — в своих банках.

Полиции стало очевидно, что в деле замешаны лица из финансового ведомства. Без содействия казначейства, а может, и не одного, подобные аферы невозмож-

¹ *Серия* — облигация и другая доходная ценная бумага, которая имела отрезной купон для получения процентов.

ны. Банковские конторы тоже были на подозрении, но лишь как пособники жуликоватых чиновников. Ведь именно в казначействах деньги смешиваются и обезличиваются. Сунь ворованный банкнот в пачку обычных и отошли в другой город. Там пачку разобьют, и после двух-трех операций билет вручат в виде пенсии отставному капитану. Ищи после этого, кто и где первым вбросил украденное.

Лыков с Азвестопуло головы сломали, придумывая, как им подловить «большую постирочную». Ясно было, что она где-то на окраине, где слабее надзор и где вокруг идет оживленная торговля с большими оборотами. Это или Кавказ, или Туркестан. Ревизоры Коковцова провели негласную выборочную проверку, но ничего не обнаружили. В Министерстве финансов до сих пор не все было в порядке — может, поэтому? С тех пор, как выгнали Витте, настоящий хозяин не появился. Плеске, что сменил Сергея Юльевича, вскоре заболел и от дел отошел. Полуживого, его перевели в Государственный совет умирать. Новым министром стал Владимир Николаевич Коковцов. Добрый приятель Плеве, он был у него раньше товарищем¹, когда Вячеслав Константинович служил государственным секретарем. Два министра работали слаженно, и МВД впервые удостоилось добавочного финансирования, чего раньше, во времена вражды между Витте и Плеве, и представить было невозможно. Но Коковцов получил пост лишь два месяца назад и еще

¹ *Товарищ министра* — заместитель.

не вполне овладел ситуацией. Его подчиненные были плохими помощниками сыщикам. За день до отъезда Лыкова в Берн Владимир Николаевич приезжал к Плевеве и просил усилить работу по обнаружению мошенников. Орел¹ обещал. Он уже дал коллежскому советнику разгон за медленное дознание. Алексей Николаевич чувствовал, что скоро ему предстоит трудная командировка. Но только куда — на Кавказ или в Туркестан?

И вот теперь Сергей выяснил важный факт. Он встретил шефа подначкой:

— Пока вы там, Алексей Николаич, швейцарское пиво потребляли ведрами, мы тут без дела не сидели.

— Ну-ка, чего ты узнал, пока я пьянствовал?

— Как только вы уехали, нашли в Петербурге труп.

— Где и чей?

— На Пороховском шоссе, — пояснил губернский секретарь. — У ручья, напротив казарм Четвертого мортирного артиллерийского парка. А чей — это самое интересное. Покойником оказался Степка Фокин по кличке Латунный.

— Это важнейший на Выборгской стороне домушник? — уточнил Лыков.

— Он, стервец.

— И как погиб Степан Михалыч?

— От удара ножом в печень. Профессионально.

— Свои порешили? — предположил коллежский советник. — Скрыл добычу? Латунный известен своей нечестностью, его и били уже за это не раз.

¹ *Орел* — прозвище В. К. Плева среди подчиненных.

— Весьма вероятно, — кивнул Азвестопуло. — Но нам интересно другое. Убийцы отобрали у Степки все вещи — даже сапоги стащили. А вот потайного кармана на кальсонах не заметили. И когда люди из сыскной полиции обыскивали покойника, то обнаружили там почтовую квитанцию: за день до смерти Латунный отослал денежный пакет на сумму три тысячи рублей. Адрес получателя — Тифлис, почтамт, штабс-капитану Багдасарову.

— Для чего ты мне это рассказываешь? — скривился Лыков. — Почистил кого-то Латунный. Обманул товарищей, и его за это зарезали. Рядовое происшествие.

— А вот и нет! — воскликнул Сергей. — Не рядовое. Потому что сыскные успели перехватить тот пакет. И когда вскрыли его, сразу передали дело сюда, в департамент.

Алексей Николаевич насторожился, ожидая продолжения. И подчиненный не замедлил сообщить:

— Там лежали купоны государственной четырехпроцентной ренты, украденные у вдовы купца Рогова. На одном из купонов сделан карандашом расчет. Латунный хотел бумаги в деньги обернуть. Из пятнадцати процентов, как вы и предполагали.

— Точно?

— Точно. Степка собирался уступить добычу с лажем¹. Вот, глядите!

Последнюю фразу сыщик чуть не выкрикнул. Он картинно извлек облигацию и шлепнул ею об стол.

¹ *Лаж* — в данном случае скидка для покупателя.

— Любишь ты театральные эффекты... — пробормотал Лыков. Схватил бумагу и стал разбирать написанные цифры. — Да, пятнадцать процентов... А получатель, говоришь, в Тифлисе? Багдасаров? Выяснили, кто такой?

— Выяснили... пока вы пиво пили. Во всей империи есть только один штабс-капитан Багдасаров, и служит он на Кавказе. А именно в Кавказском стрелковом артиллерийском дивизионе. Стоит дивизион в селении Гомборы. Полдня езды от Тифлиса.

— Значит, Кавказ?

— Кавказ, Алексей Николаевич. Вы и здесь оказались правы.

Два сыщика немного успокоились и начали обсуждать новость.

— Думаешь, Багдасаров — посредник? Клиентов собирает для «постирочной»?

— Допускаю, Алексей Николаевич. Фамилия армянская, переделанная из Багдасаряна. Военное министерство с характеристикой штабса пока тянет. Но национальностьстораживает.

Лыков пожал плечами:

— А что армяне? Все жулики, что ли? Торговая нация, это правда. Любят деньги? А кто их не любит?

— Но не просто же так в кармане убитого вора оказалась бумага с расчетами и фамилией штабс-капитана! — возмутился губернский секретарь. — Пятнадцать процентов, типичный лаж за обмен меченых купонов. Значит, Багдасаров — посредник. Вполне правдопо-

добно. Пять-семь таких людей, на которых никто и не подумает, собирают по России заказы на «отстирку» денег. И отвозят в главную квартиру. Офицер, артиллерист. И поди ж ты, имя его у главного выборгского домушника записано!

— Надо мне ехать в Тифлис, трести этого артиллериста, — вздохнул Лыков. — Черт, как весна, так командировки... Опять охота накрылась. — Потом посмотрел на подчиненного с надеждой: — А может, успею облебастрить дело и вернуться? У нас там на Ветлуге снег поздно сходит.

Сергей Манолович ехидно ухмыльнулся:

— Тоже мне Тургенев-Аксаков. Записки ружейного охотника с Фонтанки... Идите к министру, он о вас уже спрашивал. Где, мол, там мой лучший сыщик?

Плеве встретил коллежского советника радушно. Он любил Лыкова за надежность. Профессионалы есть, а вот верных людей не осталось. Год назад противники Орла пытались подкупить Лыкова, да не на того напали¹. С тех пор Вячеслав Константинович, и раньше уважавший Алексея Николаевича, стал особенно ему доверять. В итоге сыщику доставались такие поручения, о которых никому нельзя было рассказывать. Количество сильных противников множилось. «Что же со мной будет, когда Плеве убьют, — иногда думал Лыков, — ведь в порошок сотрут на радостях... Но коль попала собака в колесо — визжи, а бежи».

¹См. книгу «Лучи смерти».

Министр выслушал рапорт о дознании в Берне и остался доволен:

— Очень хорошо. Хотя бы здесь нет политической подкладки, и преступник — просто сумасшедший. Так и доложу Его Величеству. У вас все?

— Все, Вячеслав Константинович.

— Тогда срочно приступайте к новому делу. Вам уже рассказали новость?

— Рассказали. Прикажете выехать в Тифлис?

— И немедля. Как намерены действовать? Дело тонкое... по понятным причинам.

— Да уж, ваше высокопревосходительство. Там, где замешаны военные, всегда тонко. Особенно если идет война.

Оба помолчали, понимая предстоящие Лыкову трудности. Военный министр и так противится любым полицейским дознаниям в отношении офицеров. А тут еще кампания против японцев — необходимо было поддерживать в народе дух патриотизма. Подозрение на штабс-капитана в соучастии его в уголовном преступлении оказалось бы совсем некстати.

— Сахарова я успокою, — сказал Вячеслав Константинович. — А как быть с князьком? Он, говорят, после покушения сделался совершенным психопатом.

Сахаров был новым военным министром, сменившим уехавшего на войну Куропаткина, а князь Голицын — высшим должностным лицом в крае. Полностью его титулы звучали так: главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками

Кавказского военного округа, наказной атаман Кавказских казачьих войск, член Государственного совета, почетный опекун, сенатор, генерал-адъютант, числящийся по Генеральному штабу генерал от инфантерии. Григорий Сергеевич управлял краем с 1896 года и за это время успел сильно рассориться с армянами. Именно он втянул государя в процесс конфискации имущества Армянской апостольской церкви, приведший к кровопролитию.

В результате 14 октября 1903 года на князя было устроено покушение. Трое боевиков напали на коляску, в которой чета Голицыных возвращалась с утренней прогулки. Один террорист запрыгнул на ступеньку экипажа со стороны княгини и через нее нанес генералу три удара кинжалом в голову. А другие двое попытались вытащить князя из коляски с противоположной стороны. Но их сиятельства не растерялись. Жена вцепилась в парня с кинжалом и не дала ему нанести смертельный удар. А от тех, кто тащил его наружу, сам Голицын отбил тростью. Затем с козел соскочил урядник, охранявший князя, и вступил в борьбу с нападавшими. В это время кучер хлестнул лошадей, и те рванули. Боевики остались на дороге. Ранив урядника в ногу, они бросились бежать в заросший кустарником овраг, но далеко уйти не сумели. На выстрелы подоспели постовой городской и посетители ближайшего духана. Затем явились конные стражники и казаки. Все они устремились в погоню. В итоге два террориста были убиты, а третий смертельно ранен. Они оказались армянами,

что еще больше усилило ненависть Голицына к этой нации. Князь получил три раны в голову сквозь фуражку. Он легко отделался, но, по слухам, начал после этого заговариваться.

— У князя есть помощник, генерал от инфантерии Фрезе, — сообщил министр своему чиновнику особых поручений. — Вполне вменяемый. В случае, ежели беседа с Голицыным не сложится, обратитесь к нему. Я телеграфировал уже Александру Александровичу, он поможет.

— Разрешите идти? — встал Лыков.

— Нет. Еще одно, но не для огласки. Посмотрите там общую обстановку.

— В каком смысле, Вячеслав Константинович?

— У государя возник вопрос: не пора ли менять князя? Видимо, доходят неудобные слухи. Он поручил мне их проверить. Тут как раз ваша командировка. Соберите мнения, примеры неудачной деятельности, глупости этого... генерал-адъютанта. Что о нем думают обыватели и что чиновники.

— Эти не скажут, побоятся.

— Найдите тех, кто не испугается. Можете сослаться при этом на мое поручение. Особо спросите, кого умные местные деятели видят сменщиком Голицына.

— Слушаюсь.

— Ну и держите меня в курсе этого поганого дела с «постирочной».

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Коллежский советник добирался до места три дня. Уже двадцатый век, а скорости все равно черепашьи. Научатся ли люди когда-нибудь летать, как птицы? Последнюю ночь Лыков провел в купе бакинского поезда. В половине девятого утра он ступил на пыльный перрон станции Тифлис-город Владикавказской железной дороги. И сразу почувствовал себя на Востоке. Крик стоял такой, словно вокруг происходило массовое убийство, а это всего лишь носильщики делили пассажиров. Кроме них подскочили факторы гостиниц, продавцы сувениров и чичероны. Отмахнувшись от всех сразу, Алексей Николаевич вышел на площадь и сел в первый попавшийся фаэтон. Приказал ехать в «Лондон», который ему хвалили петербургские знакомые. Возница оказался старовер, чистенький, аккуратный. Экипаж только что помыли, и он источал сильный запах керосина. Приняв седока, извозчик гикнул, как абрек, и погнал. А командированный стал вертеть головой по сторонам. Ого! Ай да перемены!

Он не был в столице края с того самого времени, когда ловил турецкого шпиона Лемтюжникова¹. Девятнадцать лет прошло, и Тифлис сильно изменился. По крайней мере та его часть, которая раньше назы-

¹См. книгу «Пуля с Кавказа».